

Взгляд на русскую литературу с Петра Первого

Оригинал здесь -- http://dugward.ru/library/aksakovy/kaksakov_lit_petr_1.html

В суждениях о русской жизни, каковы бы они ни были, трудно удержаться, чтобы не натолкнуться на Петра Великого и в то же время, разумеется, на древнюю Русь. Это происходит не оттого, что теперь, что и понятно, при желании собственного сознания, все беспрестанно говорят о Петре и древней Руси, а оттого, что это вопрос сам по себе неизбежный и существенный, что в нем лежит разгадка нашей жизни, оттого, что это не только добрая воля писателей, употребляемая справедливо потребностью настоящей минуты, но оттого, что в самом деле нигде и ни в чем нельзя обойти его. Другими словами, это не только вопрос дня, современный, но существенно важный для всех времен. Таков смысл Петровского переворота. Переворот Петра значительнее, чем междоусобия уделов, татарское иго или польское разорение 1612 года, уже и потому, что мы чувствуем его до сих пор. Современность бесспорно придает ему новую важность и силу. Переворот Петра, борьба вследствие его, конечно, не кончились. Нерешенный вопрос действует в жизни и стремится к решению. Под условием его все мы и вся наша русская жизнь.

Русская литература, думали прежде, начинается с Петра. Это мнение, поддерживаемое незнанием, устарелое, но еще и теперь встречающееся, есть похвальное слово царствующему преобразователю, со времени которого и началась, собственно, возможность таких похвальных слов. Но мнение науки не должно быть похвальным словом: она смотрит ясно, не смущаясь земным величием.

Вопрос: когда началась у нас литература? - решается ответом на другой вопрос: что понимать под словом *литература*? Если разуместь собрание драм, романов, элегий, эклог, идиллий, сонетов и т. д., то, хотя и с натяжкой, можно бы согласиться, что вся эта вереница стихотворений и прозаических сочинений, весь этот бумажный хлам, которым мы довольно богаты, конечно, начался с Петра. Если сказать, что литература есть совокупность произведений изящных, поэтических не только по одной форме, но и по внутреннему содержанию (определение верное литературы собственно), то вышеприведенное мнение будет уже несправедливо очевидно, хотя здесь, однако же, может возникнуть спор, понимать ли песни уже как явление литературы или нет и т. д.

Но как скоро вы принимаете литературу как выражение жизни народной в письме и слове, определение, только раздвигающее ее границы, определение, признаваемое и отрицателями литературы до Петра, - то отвергать литературу до Петра становится решительною несообразностью, даже нелепостью.

Народная жизнь до Петра выражалась и в письме, и в слове. Ее выражение было по преимуществу духовное. Начало веры, основное начало русской жизни, до самого Петра Великого почти одно двигало слово устное и письменное. С переворотом Петра начало это не исчезло; оно всегда и навсегда остается краеугольным камнем жизни русской. Но оно удалилось от жизни общества, которое со времени Петра отделилось от народа, которое сбросило платье и основы жизни предков и подчинило свою жизнь во всех отношениях светским условиям западной моды. Удалилось оно от нашего так называемого образованного или, лучше, только преобразованного общества, но хранится неотъемлемо в простом народе, - условие тишины и спокойствия в государстве.

Мы должны сделать две оговорки: в наше время царствует такое недоразумение, добросовестное или недобросовестное, что эти оговорки необходимы, да едва ли еще они помогут. Первое. Говоря о том, что вера оставила жизнь нашего преобразованного общества, я не говорю о частных лицах, составляющих исключение, но жизнь самого общества, сам образ его жизни лишен присутствия веры. Потом - второе. Да не подумают, чтобы наука и просвещение были в моих глазах чем-то чуждым русскому народу: ничуть не бывало. *Ученье свет, а неученье тьма*. Но надобно, чтобы наука, чтобы просвещение приняли свой самобытный характер, *чтобы, стремясь к общечеловеческому, они выходили из народа*. Не надобно, чтобы обезьяна, со всем ее мастерством, была высшим идеалом, предметом поклонения, законодательницей нашего общества, как еще продолжается до сих пор. Мы должны обратиться к народу, которого мы не знаем. Самобытность, народность - вот первое условие всякой жизни, всякого успеха. Как скоро народ самобытен, всякое знание его, наука его полезна и приносит плод не ему одному, а всему человечеству. Как скоро он не самобытен, к чему ему знание, просвещение? Всякое знание его бессильно, подражательно и не стоит гроша; он должен быть обезьяною в человечестве - участь незавидная. Мы